

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 26

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914

26 ЮНЯ.

Рис. Ре-ми.

ДРУЖБА.

Въ английской палатѣ общинъ выяснилось, что сэръ Эдуардъ Грей существенно нарушилъ русскіе интересы въ Персіи, даже не поставивъ Россію объ этомъ въ извѣстность.

Англійскій левъ : — Моя дружба къ тебѣ, милый медвѣдь, не имѣетъ границъ!

А. Г.

Спб. Градоначальникъ оштрафовалъ редактора журнала „Новый Сатириконъ“ А. Т. Аверченко на 250 руб., съ замѣной въ случаѣ несостоятельности арестомъ на 7 недѣль — за статью Ив. Кузъм. Пруткова „Юбилей“ въ № 24 журнала.

Штрафъ уплаченъ.

Удивляемся тому, что эта репрессія была проведена въ глубокой тайнѣ (ибо Освѣдомительное Бюро ни одной газетѣ не сообщило, какъ это дѣлалось раньше, — о штрафѣ). Объ упраздненіи Бюро только идутъ разговоры, а оно уже само себя старается упразднить...

ВПЕРЕДЬ БЕЗЪ СТРАХА И СОМНѢНЬЯ.

Баста!.. Кончена наука,
Веселѣй впередъ гляди!
Сзади школьная «Вампука», —
Жизнь смѣется впереди.

Иль не можешь, братъ усталый,
Въ двадцать лѣтъ больной старикъ?
Или молодости вялой
Ужъ прошелъ короткій мигъ?

Въ дали жизни поданъ катеръ, —
Ну-ка, правь!.. Ты молодъ былъ,
Иль сковала «Alma Mater»
Жаръ души и сердца пылъ?

Не забылъ ты, непосѣда,
Какъ за грѣхъ твоихъ проказы
По полсуткамъ безъ обѣда
Ты просиживалъ сто разъ?

Помнишь нѣжныя названья
«Идіота» и «осла»?
Помнишь жуткія страданья
У зеленого стола,

У стола, гдѣ, чтя науку,
Суши, мстительны и злы,
Педагоги всѣмъ на муку
Съ чувствомъ ставили колы?

Помнишь жуткій трепетъ маминъ
И волненія отца,
Какъ, собираясь на экзамень,
Ждалъ ты страшнаго конца?

Помнишь ундера и роты?
Весь послѣдній школьный строй?
Съ жизнью частые расчеты,
Коллективные порой?

Помнишь, милый, много-много,
Непостижнаго уму?
Школу, волей педагога
Обращенную въ тюрьму?

Ну и баста!.. Дали чисты!
Отдохни, сердечный другъ, —
Поступай въ академисты...
Жизнь дана не для наукъ,

Жизнь дана не для заботы,
А для службы и крестовъ,
Для карьеры, для «работы»...
— Ты готовъ!..

Евг. Вѣнскій.

СТУДЕНЧЕСКІЙ ОРГАНИЗМЪ.

Разсказъ Арк. Бухова.

Я принялъ Кощенкова очень сухо.

— Здравствуй, — сказалъ я, когда Кощенковъ съ виноватымъ видомъ началъ мять фуражку и застѣнчиво сѣлъ на краешекъ кровати. — Зачѣмъ пришелъ?

— Да я по дѣлу... Честное слово... Развѣ бы я сталъ...

— Предположимъ, что по дѣлу... Но вѣдь ты, мерзавецъ, далъ мнѣ честное слово, что не заглянешь ко мнѣ цѣлый мѣсяць, пока не пройдешь всей политической экономіи... И на экзамень вмѣстѣ пойдемъ...

— Да я за ней и пришелъ, — робко проговорилъ онъ, — за экономіей: за политической. Дай книжку товарищу...

— Кощенковъ, — сурово посмотрѣлъ я на него, — ровно мѣсяць тому назадъ ты взялъ у меня эту книгу и вотъ уже четвертый разъ ты снова приходишь за ней... Неужели тебѣ не стыдно?... Вѣдь завтра экзамень...

— Да мнѣ ничего... Я такъ... Можетъ, дашь книжечку?...

— Ты издѣваешься надо мной, Кощенковъ?..

— Ну что ты? — замахалъ онъ руками, — не дашь и не надо. Я и забылъ, что взялъ ее у тебя. Я вѣдь такъ, вообще: можетъ, на бильярдѣ сыпраемъ?..

— Завтра экзамень, — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ я, — у меня еще четыре страницы...

— У меня больше, — радостно улыбнулся Кощенковъ, — я все еще приспособливаюсь... Раскрою книгу, сяду, а тамъ смотришь, зовуть... Поѣдешь?

— Не искушай, Кощенковъ, — слабо пролепеталъ я, — понимаешь, четыре страницы... Экзамень завтра...

— Такъ мы до экзамена, — умоляюще попросилъ онъ, — вернешься, прочтешь... Кстати и мнѣ книжечку дашь...

— Она у тебя, Кощенковъ...

— Замѣчательная память, — съ восхищеніемъ посмотрѣлъ онъ на меня. — Идешь?

— Идемъ — глухо отозвался я. — Собственно говоря — и вдругъ — нар... А ты — четыре страницы!..

— Я и говорю — четыре... Подумаешь... Возьми вотъ этого, который котель изобрѣлъ... Сидѣль, сидѣль и вдругъ — нар... А ты — четыре страницы...

* * *

Бильярдная игра — это снѣжный комъ, собирающій во время движенія массу однородныхъ частицъ и достигающій по мѣрѣ удаленія отъ отправной точки безпредѣльныхъ размѣровъ.

Во время четвертой партіи Кощенковъ заявилъ, что его одолеваетъ жажда.

— У меня всегда такъ отъ бильярда. Должно быть дѣйствуетъ такъ.

Я не вдавался во взаимоотношенія безобиднаго бильярда и Коценковской жажды и рѣшилъ утолить ее пивомъ. Черезъ нѣсколько минутъ Коценковъ рѣшительно объявилъ, что несмотря на полнѣйшую абсурдность такого утвержденія — пиво на него дѣйствовало такъ же какъ и бильярдъ.

— Чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется, — съ явнымъ недовѣріемъ къ самому себѣ сказалъ онъ. — Больше того: вотъ сейчасъ свѣтлое пиво, и теперь организмъ требуетъ свѣтлаго... Удивительно... У меня одинъ докторъ есть — нужно будетъ рассказать...

Организмъ Коценкова не сдавался долго, несмотря на наши общіе протесты. Мы долго успокаивали его самыми разнообразными напитками, пока, наконецъ, Коценковъ рѣшительно не положилъ кій и съ испуганнымъ видомъ не заявилъ:

— Ъсть хочеть.

— Организмъ? — сочувственно спросилъ я.

Коценковъ печально кивнулъ головой.

Черная тѣнь Коценковскаго организма наложила на насъ свою хищную лапу. Мы подошли къ какому-то столику и начали ѣсть.

— Знаешь что, — весело предложилъ Коценковъ, — у меня былъ одинъ знакомый псаломщикъ. Поѣздомъ ему отрѣзало руку. Идетъ онъ одинъ разъ по городу... Ты водку пьешь?

— Пью, — неувѣренно сказалъ я, — а псаломщикъ тутъ при чемъ?..

— Ну ты уже радъ придраться... Говорю — руку отрѣзало. Выпьеть?

— Организмъ? — хмуро спросилъ я.

— Сосеть. Видѣлъ такой организмъ? — съ нѣкоторой долей хвастливости сказалъ Коценковъ: — прямо звѣрь...

Укрощеніе алчнаго, требующаго немедленной жертвы звѣря — было довольно нескуднымъ занятіемъ. Тѣмъ болѣе, что мѣсто дѣйствія по мѣрѣ его развитія постепенно мѣнялось: начавшись съ широкой свѣтлой залы ресторана, кончилось оно въ какомъ-то извозчичьемъ трактирѣ къ восьмому часу утра.

Когда мы вышли и Коценковъ упрямо увѣрялъ меня, стирая спичечной коробкой надѣдлившую слезу, что его организмъ безповоротно забытъ нами гдѣ-то у вѣшалки — я вынулъ часы и благоговѣнно опустил ихъ на тумбу.

— Коценковъ, — простоналъ я, — девятый часъ...

— Пополудни? — тихо осѣдомился онъ.

— Не знаю, — тупо отозвался я, — можетъ и пополудни... Однимъ словомъ восемь утра...

— У насъ високосный годъ? — робко спросилъ онъ. — А? Да?

Получивъ отвѣтъ, онъ тихо опустился около меня на тротуаръ и началъ что-то высчитывать.

— Совершенно вѣрно, — отозвался онъ послѣ упорной мыслительной работы, — девять утра... А черезъ часъ экзамены...

— Четыре страницы! — горько вырвалось у меня...

— Пойдемъ на экзамены, — попросился Коценковъ, — хочется!..

— Организмъ? — спросилъ я.

Коценковъ беспомощно пожалъ плечами...

Какимъ образомъ мы попали въ какую-то аудиторію, наполненную студентами, съ двумя экзаменующими профессорами — я до сихъ поръ не могу дать себѣ полнаго отчета.

Утренняя прогулка нѣсколько освѣжила насъ, тѣмъ болѣе, что Коценковскій организмъ настоятельно требовалъ экзамена, или безмятежнаго, успокаивающаго сна. Въ наиболѣе острый моментъ борьбы этихъ стремленій одинъ изъ профессоровъ поднялъ голову и вѣжливымъ тономъ предложилъ желающимъ экзаменоваться.

— Разрѣшите не по списку? — улыбаясь предложилъ онъ аудиторіи.

— Я пойду, — рѣшительно сказалъ Коценковъ, — все равно...

Я видѣлъ, какъ у него дрогнули руки, но онъ всталъ и, тихонько перекрестившись, шагнулъ къ профессорскому столику.

Первую минуту я былъ лишенъ возможности услышать, по поводу чего происходилъ довольно оживленный діалогъ между профессоромъ и Коценковымъ. Логика подсказывала мнѣ, что темой его была настоятельная просьба Коценкова внести его въ списокъ экзаменующихся.

— Я не могу, — донесся до меня голосъ профессора.

— Почему же вы... не можете? — обиженно возразилъ Коценковъ, — вотъ, пожалуйста...

Онъ съ достоинствомъ вынулъ изъ кармана какую-то бумажку съ гербовой маркой, выбросилъ на столъ и для убѣдительности ткнулъ въ нее пальцемъ.

— Пожалуйста...

Профессоръ внимательно просмотрѣлъ бумажку и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Коценкова.

— Бумага официальная, — вѣжливо сказалъ онъ, — но не убѣдительная. Я не могу касаться вашихъ договоровъ по поводу оплаты пишущихъ машинокъ...

Рис. Миссъ.

ОБЪ АРАПКЪ ГЛУПОЙ.

Нѣкая скорбная разумомъ арапка, похищая у своей госпожи черныя мушки, гораздо щедро оныя на свое лице лѣпила и послѣ того очень радовалась, что госпожа таковой арапкиной покражи на лицѣ ея не замѣчала.

Коценковъ нерѣшительно посмотрѣлъ на профессора.

— Значитъ не довѣряете, — хмуро сказалъ онъ. — Хорошо... Хорошо...

— Вы больны, коллега, — участливо сказалъ профессоръ, немного обезпокоенно отодвигаясь отъ Коценкова.

— А вы не больны? — отозвался Коценковъ, — личико-то у васъ тоже... того немножко...

Профессоръ нетерпѣливо постучалъ пальцами.

— Вы пьяны, — нервно сказалъ онъ, — это безобразіе...

— Кто пьянъ? — и Коценковъ сдѣлалъ попытку подняться со стула. — Я пьянъ? Да? Да? Нѣтъ, вы скажите — кто пьянъ? Я? Коля, скажи ему...

Мнѣ вдругъ почему-то сдѣлалось безумно жалко и Коценкова и самого себя. Къ горлу подкатилъ какой-то клубокъ, и сочувственно-горько махнувъ рукой, я сказалъ:

— Пойдемъ, Коценковъ...

Коценковъ обернулся, посмотрѣлъ на меня и вдругъ съ дѣтскою трогательностью нѣсколько разъ всхлипнулъ.

— Эхъ ты... дерево сухое — надорваннымъ голосомъ кинулъ онъ профессору, — вотъ гдѣ душа живая... Не можешь ты понять... Организма въ тебѣ нѣтъ... Эхъ, ты...

Черезъ нѣсколько минутъ насъ выводили изъ аудиторіи.

— Вы чего же... юристы? — ухмыляясь спросилъ сторожъ.

— Юристы, голубчикъ... — сказалъ я, — такъ сказать, первоуродное призваніе...

— А еще студенты! — презрительно сплюнуть сторожь. — Чего же вы къ математикамъ-то попали?..

— Къ математикамъ? — проясняя память, спросил Кошченковъ, — какъ же это ты, право, Коля?..

Я сурово посмотрѣлъ ему въ глаза. Онъ виновато усмѣхнулся и опустил голову.

— Организмъ? — сочувственно шепнулъ я ему. Кошченковъ конфузливо отвернулся.

Экзамены пришлось отложить до осени.

Если не вѣрите, можете спросить у Кошченкова... Впрочемъ онъ, кажется, уже уѣхалъ.

Арк. Буховъ.

ДОМОВОЙ.

Сказка Валентина Горянского.

Иллюстраціи А. Радакова.

1.

Солнышко ходитъ высоко-высоко,
Въ Сенькиномъ болотѣ воды — ни капли,
Подсѣклась зеленая трава осока,
Сбилась ворохомъ грязной пакли.
Вянетъ листь на березѣ старой,
Высохли въ раковинахъ улитки —
Хоть выноси на улицу квашню съ опарой
На горячемъ пескѣ печь калитки¹.
Въ жаркомъ небѣ ни глуби, ни сини,
Ни облачнаго бѣлаго пуха...
Ходятъ коровы по самой трясинѣ
И ни одна не увязнетъ — сухо.
Лиловая сосна смолой вспотѣла,
Въ глазахъ мелькають желтыя пятна,
Ребята на рѣку то-и-дѣлю
Да съ рѣки бѣгають обратно.
Прячутся мужики въ подполье,
Ищутъ бабы да дѣвки прохлады —
Только однимъ оводамъ раздолье
И кузнечикамъ-трескунамъ — тѣ рады!..
Сизымъ туманомъ даль одѣта,
Духота по ночамъ безросымъ,
Ахти, какое бѣдовое лѣто —
Ахти, — дѣла не будетъ косамъ...
Встала было крестьянская работа,
Остаться бы мужикамъ безъ хлѣба,
Да къ «Ильѣ» стадо барановъ кто-то
Выпнать на чистое небо.
Вытащилъ къ ночи кремень и огниво,
Чиркаетъ за лѣсомъ, ворчитъ сердито —
Зашумѣла радостно звонкая нива,
Рожь съ овсомъ, да ячмень, да жито...
Овцѣ въ хлѣву, въ лѣсу сѣрому волку,
Кулику на болотѣ — всѣмъ дождь отрада...
Шель дядя Якимъ по проселку,
Думаль, что дождя гораздъ надо...
Стрѣла-молонья въ лицо пахнула,
По шву золотому небеса распорол,
Задрожала земля отъ гула,
Какъ мельница во время помола...
Свернулъ дядя Якимъ прогономъ...
Вотъ колодезь, вотъ Федькины старья дровни. —

И вдругъ запѣлъ жалобнымъ звономъ
Колоколь на древней часовнѣ...
Вышло дѣло неладно,
Пришла бѣда къ Якимову дому:
Красный пѣтухъ прилетѣлъ и жадно
Клюетъ на крышѣ яровую солому;
Вцѣпился въ смоляныя стропила,
Пошли гулять перетрески,
Баба Якимиха завопила,
Съ ней золовки ея и невѣстки...
Не унять проклятую птицу,
Больно ужъ она таровата —
Только и вытащили что божницу,
Хомуть, самоваръ да три ухвата...
И коня со двора и нетель-бурѣнку
Не успѣли вывести, значитъ.
Отошелъ дядя Якимъ въ сторонку
Да вмѣстѣ съ бабами въ голосъ плачетъ.
Спорѣла изба, словно свѣчка...
Остались черепья одни и скобки,
Да съ трубой черная печка,
Да горшокъ въ печи изъ-подъ похлебки...
Полилъ дождь... Последняя головня погасла,
Ни скотины у Якима, ни крова...
Только — глядь! — у сусѣдскаго прясла
И конь стоитъ и нетель-корова...
Тутъ же разнаго скарбу кучи,
И подушки, и дочерня полька¹,

¹ Деревенскія лепешки съ картофелемъ.

¹ Короткое пальто.

Даже Якимовы холсты-онучи —
 Дивья, да и только!..
 И топорище, и ломанья стамески,
 И порожній штофъ казенный,
 И самоваръ Сашки-невѣстки,
 Изъ Питера лѣтось привезенный...
 А курица, какъ сидѣла —
 Такъ и сидитъ въ кузовѣ на яйцахъ. —
 Выходитъ бабѣ дѣло:
 Дивись да гадай на пальцахъ...
 А первое, что конь и нетель —
 Сокровище землеробѣ...
 И какой такой благодѣтель
 Мужикику оказалъ способѣ?...
 А вышло-то больно просто,
 Только хитро на смѣтку человѣчью:
 Почитай, что уже лѣтъ со сто
 Жить Домовой въ Якимовой избѣ за печью...
 Онъ-то и старался во время пожару,
 Онъ-то и хлопоталъ болѣзненный;
 Вотъ бы ему лаптишекъ пару,
 А то напоролся ногой на гвоздь желѣзный...
 Вотъ бы зипунъ ему, да подольше,
 Не спалилъ бы сивой шерсти на брюхѣ,
 Вотъ бы картузь ему да побольше,
 Не было бы неладно въ ухѣ...
 Сбылъ Домовой горя-бѣды на половину,
 Повязалъ красной тряпкой ногу
 И хромяя убѣжалъ къ овину
 Отдышаться и подуматъ немного...

II.

Якиму по сусѣдямъ несподручно
 Съ семьей на ночлегъ проситься,
 Домовому въ овинѣ скучно,
 По ночамъ кривоногому не спится...
 У всѣхъ-то мужиковъ избы
 Съ дымкомъ приятнымъ нюху,
 Сидѣлъ бы теперь да грызъ бы
 Аржаного хлѣба краюху...
 Сталь строиться Якимъ вновь...
 Спорко строятъ, словно стогъ мечуть,
 Даже Сашка-питерская свекрови —
 Ни-ни!.. ни въ чемъ не перечить...
 Дѣло идетъ, слава Тебѣ, Боже,
 Къ осени нужно сбыть заботу,
 И Домовой старается тоже:
 Чуть люди спать, а онъ за работу...
 Поскорѣй угнѣздиться хочеть...
 Самому-то себѣ врагъ ли?
 То топоръ или долота точить,
 То выбираетъ кострику изъ пакли...
 Встряхиваетъ бородой кудельной,
 Подтягиваетъ поближе бревна,
 Одно слово — дѣльный!
 Работаетъ — мужикъ ровно...
 И строится Якимъ, и въ полѣ,
 И въ огородѣ выхаживаетъ овощъ
 И думаетъ: «Господи мнѣ, что ли,
 Подаетъ свою помощь?
 Угодникъ-то я неважный,
 Молитвами-то я не маюсь,
 Что ни праздникъ, то — бражный,
 А матерно такъ всегда ругаюсь...»
 Вотъ уже и Покровщина близко,
 Бѣлый приѣзъ идетъ третьимъ слоємъ,
 На березѣ золотая ризка,
 Стоитъ какъ батюшка передъ святымъ аналоємъ.
 Въ лѣсу что день — то обнова...
 Вчера зелено — сегодня красно...
 У Якима изба, почитай, совсѣмъ готова.
 Осень теплая, небо ясно.
 И задумалъ Якимъ съ новосельемъ
 Какъ-нибудь на Покровщину сбиться...
 Попраздничать, а допрежъ веселья
 Избу освятитъ да помолиться...
 Все обошлось честь-честью,
 Поблагодарить бы Господа не мѣшало,
 Только Домовому отъ этой вѣсти
 Больно не по себѣ стало.
 Остался ему опять безъ крову,

За теплой печью, не утомониться,
 Вѣдь нечистый, сказать къ слову,
 И святой воды боится...

А по вечерамъ уже щиплетъ холодъ,
 А Покровъ-то уже въ субботу,
 Мужики заготовливаютъ солодъ,
 Кончаютъ бабы работу.
 И вотъ, только солнце сѣло,
 Побѣжалъ бѣдняга Домовой къ погосту,
 Тамъ, недалеко отъ церкви бѣлой,
 Батюшкинъ домъ стоитъ подлѣ мосту.
 Самъ батюшка ходитъ по саду,
 Отдыхаетъ, поетъ: «Достойно есть яко»,
 Домовой прыгъ къ нему черезъ ограду
 На грядку послѣдняго мака...
 «Прости», говоритъ, «батюшка, что къ ночи,
 Выслушай мои просьбы,
 Не гони меня, отче...»
 А самъ думаетъ: «Эхъ, удалось бы...»
 «Пусть, я, батюшка, гадъ непрощенный,
 Пусть обличье мое не человѣчье, —
 Только не кропи ты водой священной
 Въ Якимовой избѣ запечье...
 Помнишь, на Илью горѣло?
 Не я ли крестьянскіе пожитки —
 Вѣдь не малое дѣло —
 Спасъ до послѣдней нитки...
 Все бы добро въ уголь
 Пошло во время пожару;
 Оставь же ты мнѣ на прожитье уголь,
 Буду вести себя по-стару...

Коню расчесывать челку,
 Всякую живность здоровьемъ красить,
 Ни одной крысы не пуцу на полку,
 Гдѣ Якимиха молоко кваситъ...»
 Поглядѣлъ батюшка поверхъ изгорды
 На зелень сусѣдскихъ пдлосъ,
 На сочные озимые всходы
 И въ тихій промолвилъ голосъ:
 «Что же, властью Божьяго іерея
 Ключомъ желѣзнымъ
 Не закрою тебѣ дверей я.
 Къ дѣламъ добрымъ и полезнымъ.
 Милость Господня безпримѣрна,
 Слово Божіе строго,
 И нечистъ разная и всякая скверна
 Рано ли, поздно — восхвалитъ Бога...
 Быть тебѣ по просьбѣ слезной,
 За добро твое многое простится,
 Завтра буду послѣ обѣдни поздней
 У Якима въ новой свѣтлицѣ...
 Помолюсь за грѣхи человѣчьи,
 Обойду избу съ кропиломъ,
 Но оставлю тебѣ уголь въ запечьи,
 Твоему сердцу милкомъ,
 Имѣй же любовь-заботу
 О мужикѣ сѣромъ и сиромъ,
 Дѣли съ нимъ крестьянскую работу, —
 Ступай себѣ, Домовой, съ миромъ!»

Валентинъ Горянскій.

МАДЛЕНА.

Рис. Б. Григорьева.

Стихи Потемкина
(Парижъ)

У Мадлены-хохотуны
Словно спѣлый персикъ щечки,
Губки алы, бровки куньи
И глаза — что василечки.

Вся она такая прелесть,
Что стыдишься быть ей милымъ
И, конечно, ужъ не мнѣ лѣзть
Къ ней съ моимъ суконнымъ рыломъ.
Лишь ночью станеть Сена,
То въ «Ротондѣ», то въ «Сирени»,
Появляется Мадлена,
И стремятся всѣ къ Мадленѣ.
Говоритъ Мадленѣ каждый,
Что тоскуетъ, что страдаетъ,
Что, томимъ любовной жаждой,
Онъ въ сиротствѣ увядаетъ.
Двое нѣмцевъ, ляхъ изъ Польши,
Шесть испанцевъ, три японца
Влюблены въ Мадлену больше,
Чѣмъ въ любовь и радость солнца.
Ужъ другъ другу три мензур
Нѣмцы сдѣлали — и ляху;
Шесть испанцевъ злы и хмуры
Ужъ пускали въ ходъ наваху.
Три японца Джіу-джитсу
Всѣмъ суставы поломали
И, рѣшившій застрѣлиться,
Ляхъ застрѣлится съ печали!
А Мадленѣ все забава:
Все смѣшки одни, насмѣшки.
Точно и не люди, право,
Всѣ они, а только пѣшки.
Выпить «бокъ» въ «Ротондѣ» съ ляхомъ,
Выпить съ нѣмцами въ «Сирени»,
То подсядетъ къ злымъ навахамъ,
То къ японцамъ на колѣни...
Словомъ, милая Мадлена,
Словно камень безсердечна,
Какъ Цирцея иль Сирена
Увлекаетъ всѣхъ безпечно.
И пришла минута горя!
Разъ весной (взбухали почки)
Всѣ влюбленные, повздоря,
Разодрались на кусочки!

Только ляхъ не разобрался,
Порѣшивши застрѣлиться,
Хоть съ недѣлю провалялся
Отъ приемовъ Джіу-джитсу.
И Мадлена приуныла,
Мѣста нѣтъ ужъ въ ней веселью!
Чтобъ исправить грѣхъ, рѣшила
Съ горя стать она моделью.
Ужъ она не сумасбродитъ
И кокетничаетъ съ толкомъ,
Къ ней одинъ лишь турокъ ходитъ...
Ну, и ляхъ, но — тихомолкомъ.

Потемкинъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Крикливый Фигаро.

Ѳеодосійскія „Южныя Вѣдомости“ (коварная газета!)
цѣликомъ напечатала въ газетѣ письмо мѣстнаго парикмахера
Кефели...

Приведемъ его цѣликомъ и мы:

„М. г., г. завѣдывающей отдѣленіемъ редакціи. Позвольте мнѣ
крикнуть въ вашемъ отдѣлѣ, чтобы всѣ услышали, потому что всѣ
страдаютъ отъ дамскихъ шляпъ. Нельзя пойти въ театръ, если нѣтъ
денегъ на первый рядъ. Дамскія шляпы не даютъ ничего видѣть, и
мы, театралы, среди нихъ, какъ въ лѣсу. Меня обвиняютъ, что это
я виноватъ, такъ какъ дѣлаю дамамъ высокія прически. Позвольте
мнѣ крикнуть, что это невѣрно. Какъ специалистъ, я заявляю, что
дѣло не въ прическахъ, а въ перьяхъ. Надо уничтожить перья, и
тогда дамскія шляпы не будутъ мѣшать жить на свѣтѣ. Я, какъ на-
стоящій Ѳеодосійскій театралъ, хожу въ театръ два раза въ годъ, но
дамы мнѣ портятъ настроеніе, и я не могу принять въ середину всѣ
сливки отъ представлений. Мы парикмахеры протестуемъ, — пусть и
другіе цехи крикнутъ. Съ сов. почт. парикмахеръ *И. Кефели*“

Если „настоящіе Ѳеодосійскіе театралы“ ходятъ въ театръ
„два раза въ годъ“, то не „другіе цехи должны кричать“, а
бѣдный Ѳеодосійскій цехъ актеровъ долженъ взвыть волкомъ.

Астраханская галантность.

Въ „Астраханск. Вѣстникъ“ помѣщено слѣдующее офи-
ціальное письмо въ редакцію:

Прошу многоуважаемую газету поставить в извѣстность жи-
телей гор. Астрахани о нижеслѣдующемъ: санитарное состояніе крѣ-
постнаго района со всѣми углами, закоулками и нишами крѣпостной
стѣны подлежитъ вѣдѣнію баталіоновъ Аварскаго полка. Весь крѣ-
постной районъ для этого разбит на участки, за санитарнымъ состояніемъ
которыхъ отвѣтственна рота, получившая тот или другой участок.

Нѣкоторымъ, а можетъ и многимъ вольнымъ гражданамъ свободной
Астрахани, повидимому, это не было извѣстно, и находятся охотники,
даже к сожалѣнію интеллигенты, которые открыто нахально пользуются
застѣнными нишами и закоулками, пардон за выраженіе, какъ отхо-
жими мѣстами.

Вѣжливыя мѣры в отношеніи такихъ господ оказывались без-
успѣшными; повидимому, эти натуры словомъ не проймешь. Ставлю
в извѣстность, что чистить указанные углы нижними чинами (!) Авар-
скаго полка мнѣ надоѣло, а потому, всѣхъ, позволяющихъ, послѣ изло-
женнаго предупрежденія, дѣлать изъ ниш и закоулковъ отхожія мѣста,
в особенности вблизи городского собора, прочту такъ, что внуки будутъ
помнить.

Полковникъ *Пляшкевич*.

Экій несдержанный человекъ, авторъ этого замѣчательнаго
письма: началъ съ пардона — за — выраженіе, а кончилъ угрозой
прочитать до третьяго колѣна...

Книга живота.

Изъ „Русскаго Слова“:

РЯЗАНЬ. Въ селѣ Шостѣ, Касимовскаго уѣзда, акцизнымъ
надзирателемъ Потуловымъ произведенъ обыскъ у крупнаго торговца
Бѣлокурова, подозрѣваемаго въ безпатентной торговлѣ виномъ.

Обыскъ далъ довольно курьезные результаты.

Во дворѣ у Бѣлокурова подъ грудой мусора была найдена кор-
зина съ различными винами, а въ лавкѣ — книга съ записями отпу-
скаемаго въ долгъ вина.

Первымъ должникомъ въ книгѣ оказался .. мѣстный урядникъ.

Всюду начальству почетъ, всюду первое мѣсто!!

Въ той же книгѣ живота записано, что водка покупалась
урядникомъ не для урядника...

А для (привстаньте, господа! Сдѣлайте изумленное
лицо!)... а для становаго пристава!!

Расчувствовались.

Чего только не вычитаешь въ суровомъ, мрачномъ „Но-
вомъ Времени“:

А жаворонокъ совсѣмъ забылся, отдѣлился отъ земли, расправилъ
крылышки и взлетѣлъ. Ударился головкой и упалъ на спинку, дрожа
всѣмъ тѣльцемъ. Грудка высоко вздымалась, и видно было, какъ
бьется подъ нею сердечко. Бился крылышками, а изъ горлышка вы-

летали послѣднія замирающія нотки. Онъ смотрѣлъ съ невѣроятной мукой, по-человѣчески...

Я бросился бѣжать, и было безконечно стыдно.

Дѣйствительно, когда жаворонка посадили въ клѣтку — это стыдно и ужасно.

А когда жидовъ бьютъ — это очень весело и поощренія достойно.

Ибо тамъ тѣльца, ни сердечка, ни горлышка, ни головки нѣтъ...

Американская дипломатія.

„Мнѣ ваша искренность мила“, можно сказать Хуэртѣ и Виллѣ:

Пока въ Ниагарѣ идутъ переговоры объ умиротвореніи Мексики, въ этой послѣдней вожди партій обмѣниваются посланіями, сильно напоминающими переписку запорожцевъ съ турецкимъ султаномъ.

Каждое утро Хуэрта получаетъ лаконическое письмо отъ Виллы слѣдующаго содержанія:

„Жди меня, бестія. Я тебя скоро повѣшу. Выбирай себѣ дерево“.

Каждый вечеръ Вилла аккуратно получаетъ отвѣтъ:

„Жду тебя, каналья, съ нетерпѣніемъ. Приготовилъ розги, чтобы выпороть тебя предварительно, и веревку, чтобы тебя вздернуть“...

И, очевидно, ни тотъ, ни другой не исполняютъ этихъ дружескихъ просьбъ: ни Вилла не спѣшитъ къ Хуэртѣ, который „ждетъ его съ нетерпѣніемъ“, ни Хуэрта не выбираетъ себѣ дерева.

Обстоятельный приговоръ.

Во время разбирательства дѣла о кражѣ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Московской губ., между прокуроромъ и защитой возникъ споръ о томъ, лаяли собаки или не лаяли въ тотъ моментъ, когда воръ перелѣзалъ черезъ заборъ. По мнѣнію прокурора, собаки лаяли.

Защита доказываетъ, что собаки не лаяли.

Споръ этотъ привлекъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей, которые и вынесли слѣдующій неожиданный вердиктъ.

— Да, виновенъ, но собаки не лаяли.

Рѣдкій случай, когда: судили человѣка, а оправдали собаку.

И вотъ заведеніе.

По словамъ провинціальныхъ газетъ, въ Калугѣ, въ одномъ кинематографѣ красуется такой аншлагъ:

„Путешествіе вокругъ свѣта“. „Международный историческій фото-пластикумъ“. „Начало всегда. Каждый сидя на одномъ месте видитъ всѣ виды всѣхъ частей свѣта асобъясненнѣмъ города музей галерей зотчества древнихъ народовъ“. Рядомъ примостился „русскій пекаръ французскихъ вафилъ“ и его конкурентъ, вывѣска котораго гласила: „Момѣнтальное печенье французскихъ вафлей сливочная скрѣмамъ 5 коп. венская агурчикъ 1 коп. спочтеніемъ Шесинъ“.

Лучше всего, это: „Начало всегда“.

Кратко — и никакихъ сомнѣній и споровъ.

Инородческое засилье.

Въ Петербургѣ выставка полицейскихъ собакъ. „Рѣчь“ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что здѣсь, повидимому, нѣтъ мѣста незначительнымъ именамъ... Одна изъ страничекъ каталога:

Кобель Грейфъ-фонъ-Сернестъ, сука Анита-фонъ-Трота, кобель Бенно-фонъ-Юнкершлосъ, Луксъ-фонъ-Бартельсгофъ, Тель-фонъ-Кронъ, Гекторъ-фонъ-деръ-Вольмбургъ и т. д.

Удивляемся, почему правая фракція Думы не подняла еще вопроса объ инородческомъ засильѣ и здѣсь...

Еврейское счастье.

Какъ сообщаетъ „День“,

въ Друскеникахъ, по предписанію исправника, высылаются портной Воробейчикъ, прожившій здѣсь свыше 25 лѣтъ.

Друскеникская администрація совершенно справедливо разсуждаетъ, что лучше Воробейчикъ въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ...

Заря новой жизни.

Провинція еще не успѣла привыкнуть къ шумнымъ событіямъ и много есть еще вещей, которыя могутъ всколыхнуть ея стоячую жизнь. Уманскій „Голосъ Провинціи“ пишетъ:

Вчера днемъ городской пожарной командой была произведена первая поливка квартала Николаевской и Садовой ул. и думской площади. Столь необычное явленіе привлекло много любопытныхъ.

Воображаемъ, какая была бы въ городѣ паника, если бы кто-нибудь поставилъ газетный кіоскъ, или открылъ кинематографъ...

РАБОТА НА ДАЧѢ.

Шарманщикъ, сторговавшись съ чортомъ
И скорбно сжавъ лукавый ротъ,
Пришелъ во дворъ и до сихъ поръ тамъ
Скрипитъ, сипитъ, визжитъ и ржетъ...

Я у окна сижу и ручкой
Пера дырявлю чистый листъ:
Слѣжу, какъ надъ какой-то штучкой
Потѣеть братецъ-гимназистъ. —

А вдругъ онъ будетъ Эдиссономъ!
Пора, однако, кончить балъ:
И штрипки не пришилъ къ кальсонамъ,
И ни черта не написалъ. —

Итакъ, друзья, я начинаю.
„Нашъ юбиляръ-идеалистъ...“

А дальше что писать, не знаю
И вновь дырявлю бѣлый листъ.

Слѣжу, какъ пестрое палаццо
Паукъ возводитъ третій день...

Братъ-гимназистъ пошелъ купаться,
А мнѣ идти купаться лѣнь.

Ал. Вознесенскій.

ЖУТКОЕ ПРЕПЯТСТВІЕ.

Солдата на войнѣ начальство послало на развѣдки.
Когда онъ вернулся, офицеръ спросилъ его:

— Ну, что... Ознакомился съ мѣстностью? Можемъ мы тамъ пройти?

— Видите ли, г. полковникъ, артиллерія и кавалерія еще пройти могутъ, а пѣхота — никакъ не пройдетъ...

— Почему?! — поразился полковникъ. — Какъ такъ — пѣхота не пройдетъ?!.. Почему?

— Да въ этой мѣстности собакъ много!

РЫЦАРЬ ПЕРА.

Его родилъ газетный рынокъ,
А имя улица дала,
На немъ отъ шляпы до ботинокъ
Печать полезности легла.

Онъ знаетъ все — отъ мелкихъ сплетенъ
Пріѣзжихъ хамовъ и господъ,
Чей постъ на службѣ долготенъ
И кто немедленно уйдетъ;

Гдѣ конченъ миръ, гдѣ будетъ миръ же,
Въ какую спальню кто проникъ,
Кто проигралъ вчера на биржѣ
И кто подчистилъ сводки книгъ.

Онъ не пропуститъ ради строчекъ —
Ни честь невѣсты, ни жены,
Ни грязь сановничьихъ сорочекъ:
Толпѣ и кровь и грязь нужны.

Ему лобой уступитъ кротко,
Тоскливо думая: подлець...
Предъ нимъ философъ и кокотка
Сожмутся съ трепетомъ сердець.

Да какъ же нѣтъ: онъ міромъ править,
Изящный гадъ, бульварный богъ —
Захочетъ только — и задавитъ
Врага напоромъ мутныхъ строкъ.

Онъ властелинъ державы дикой,
Которой улица вѣрна:
Такъ силой подлости безликой
Вся наша жизнь покорена...

Арк. Буховъ.

ВНИМАНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ!

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала, покорнѣйше просимъ лицъ, уплатившихъ за полгода, озаботиться высылкой слѣдующаго взноса до **1 июля с. г.** 2-я и 3-я премія будетъ разослана лишь лицамъ, внесшимъ полностью годовую плату.

НѢКОТОРОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ.

Въ качествѣ редактора журнала «Новый Сатириконъ» я былъ оштрафованъ за № 24 журнала въ количествѣ 250 руб. съ замѣной арестомъ на 7 недѣль.

Противъ оштрафованія ничего не могу возразить... Можетъ, оно такъ и нужно, можетъ быть, дѣйствительно, въ статьѣ «Юбилей» было что-нибудь, несогласное съ обязательными постановленіями.

Но, когда ко мнѣ явился околоточный и потребовалъ внесенія 250 рублей, я возразилъ:

— Позвольте! А если я хочу отсидѣть?

— Какъ угодно. Тогда я долженъ буду васъ арестовать.

— Какъ, сейчасъ?!

— Ничего не подѣлаешь, — законъ!

— На будущей недѣлѣ я буду свободенъ, — примирительно сказалъ я, — тогда и отсижу.

— Мы ждать не можемъ-съ!

Я не сталъ вступать въ пререканія съ околоточнымъ, уплатилъ деньги, но деньги эти я внесъ пока.

Потомъ попрошу ихъ вернуть, а самъ отсижу, когда будетъ время.

Можетъ быть, думаютъ, что это невозможно?

Нѣтъ, возможно! Для этого стоитъ только сравнить меня въ моихъ гражданскихъ правахъ съ Вѣрой Владиміровной Чеберякъ.

Дѣло въ томъ, что, по сообщенію «Кіевлянина», Вѣра Чеберякъ не досидѣла въ тюрьмѣ 4-хъ мѣсяцевъ, ужъ не помню за что: то ли за кражу, то ли за покупку завѣдомо краденаго. Оказывается, что во время разбора дѣла Ющинскаго ее «вынули» на время изъ тюрьмы, а потомъ такъ и оставили на свободѣ, хотя она и не досидѣла четырехъ мѣсяцевъ.

Я не понимаю: почему Вѣра Чеберякъ можетъ быть на свободѣ, когда ей нужно сидѣть въ тюрьмѣ, а я не могу?

Чѣмъ она лучше меня?

Что же, я не такой русскій пражданинъ, какъ и она, что ли? Такой же русскій, православный, хотя нѣкоторые сотрудники «Русскаго Знамени» и «Новаго Времени» стараются увѣрить всѣхъ, что я еврей¹.

Почему же Вѣра Чеберякъ на свободѣ, а я долженъ сидѣть въ тюрьму?

Ну, скажутъ: она, все-таки, не убивала Ющинскаго... Такъ вѣдь и я же не убивалъ!!

Я прошу категорически отвѣтить мнѣ, чѣмъ русскій литераторъ хуже скупщицы краденаго, и, вообще, женщины, четыре раза судившейся за кражи?

Пусть мнѣ отвѣтятъ, что званіе русскаго литератора, дѣйствительно, хуже званія скупщицы краденаго — тогда я, можетъ быть, брошу литературу, открою «малину» и скуплю все украденное на протяженіи десяти миль въ окружности.

¹ Я уже писалъ въ «Нов. Сатириконѣ», что не вижу ничего для себя обиднаго или тяжелаго въ причисленіи меня къ еврейскому народу (странно даже говорить объ этомъ), но разъ это дѣлается завѣдомыми мошенниками и шуллерами отъ литературы съ цѣлью доказать, что «вся русская литература въ рукахъ жидовъ», я буду неустанно кротко возражать: «Лжете, негодяи! Моя настоящая фамилія Аверченко, я православный, мои родители православные, и не вашими грязными руками защищать русскую литературу».

Впрочемъ, стоитъ ли тратить эпитетъ «негодяи» на людей, которые относятся къ этому эпитету, какъ къ легкому дружескому потрепыванію по плечу.

А. А.

Пусть же мнѣ отвѣтятъ!

Господи! Ужъ, кажется, такія скромныя требованія русскаго литератора: сравнить его въ правахъ со скупщицей краденаго, судившейся 4 раза за кражи.

Хорошо, если бы сравняли.

Буду ждать отвѣта.

Аркадій Аверченко.

МОНЕТЫ ИЗЪ ФОРТОЧЕКЪ.

(Поэма.)

Тупой звукъ, какъ у сердечно-больного... И снова... тупой...

Толпой стоятъ мальчишки. Обезьяна присѣла на корточки.

А сверху, изъ форточки чья-то рука дорогая, полунагая — бросила въ желтой, чуть твердой бумажкѣ монету.

Я хотѣлъ бы бродить по холодному свѣту, быть забитымъ, голоднымъ, оставленнымъ, съ сердцемъ поруганнымъ, безотвѣтно-расплавленнымъ... Пусть мальчишки, свистя, бросали бы камни... Пусть шарманка была бы стара и бездоненъ колодець двора...

Лишь бы эта рука мнѣ — эта, иль та, иль другая — незнакомая, полунагая, бросила бъ въ желтой, чуть твердой бумагѣ пятакъ.

О, привѣты незнаемыхъ женщинъ!

Стоить, о, стоить подъ грузомъ шарманки ходить, полуразорванность арій родить, хриплость «Аркадскаго принца», «Я ли не дождалася гостинца», «Вальсъ Невозвратное время» — стоить звучащее бремя въ шкафикъ нѣжно носить, дворниковъ грязныхъ просить позволенія хриплое сдѣлать моленье, гдѣ звуки сторуки и много фоготной, пѣвучею трубкой нотъ — недостаетъ... Стоить стоять въ серединѣ колодца, обезьяну-уродца показывать, подъ конецъ чтобъ скворецъ чернымъ клювомъ схватилъ синій билетикъ для счастья. И потомъ, когда звуки сломаются, всхлипнуть аккорды, — о камень, въ твердой бумажкѣ завернуть, упадетъ привѣтный пятакъ.

Бумага отъ сахара или изъ лавки, чуть желтая, и уголь загнулся... Я, благодарный, нагнулся.

Вѣришь ли, рука дорогая, полунагая, что я бы шкафикъ со звуками, съ травіатными звуками о бульжникъ разбить (пусть звучнуло бы смертнымъ аккордомъ) — лишь бы припасть, не видя лица, безъ конца, безъ конца — къ тебѣ, незнакомая сладость!

Это — радость. Люди! Это свѣтлая радость — съ обезьяной, красивымъ уродцемъ, танцовальщицей корточекъ, ходить по колодцамъ, чтобъ изъ чуждо-невѣдомыхъ форточекъ появлялись бѣлыя руки и тупые, бумажные звуки съ призаглушенной мѣдью близъ тебя упали...

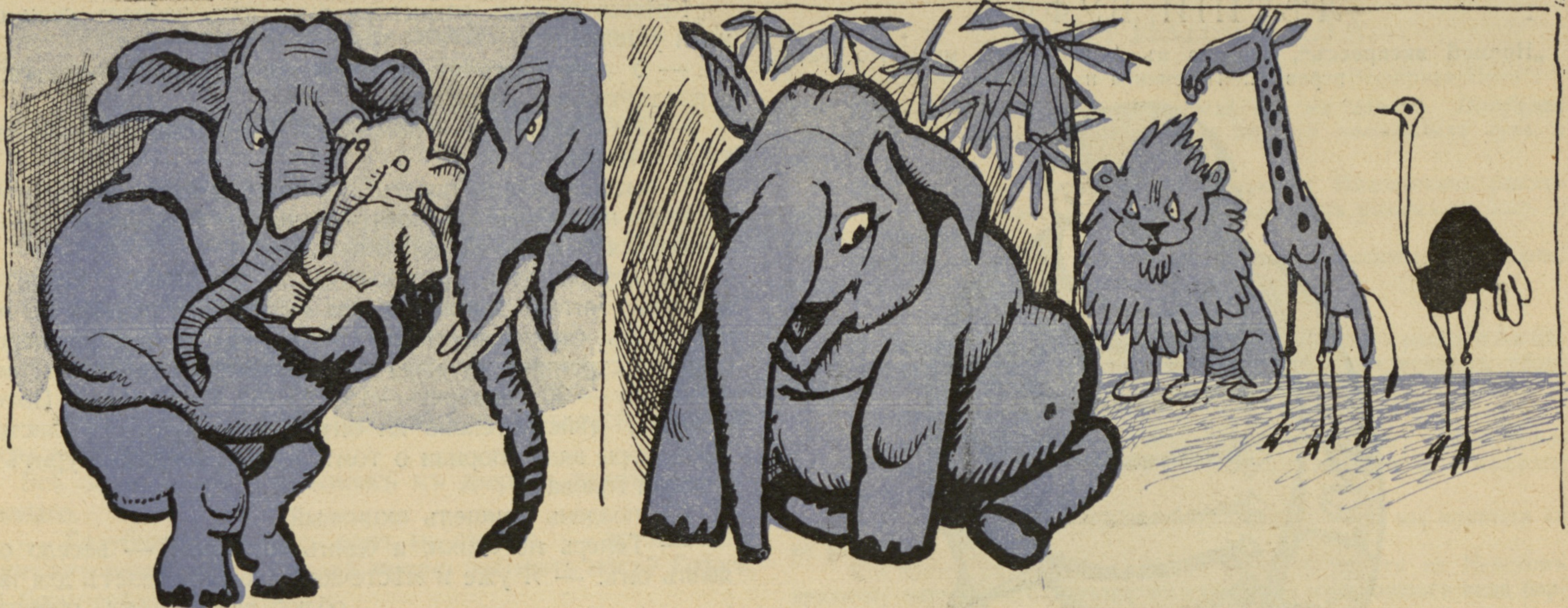
Руки нѣжныя, дѣвичьи! Вы мнѣ этой бумажкой радость любви вашей дали. И пятакъ, тупо звякнувъ у ногъ, самый свѣтлый залогъ нашего въ небѣ слиянія...

Благодарю васъ, о, форточки! Я шляпу съ полями сниму: «До свиданія!».

Сергѣй Горный.

БѢДНЫЙ ЯМБО.
(Посвящается одесскимъ палачамъ.)

Рис. А. Радакова.

Въ тѣни деревъ, въ тиши лѣсовъ
Жила семья изъ трехъ слоновъ.
Отецъ и мать и крошка сынъ,
Который былъ у нихъ одинъ.

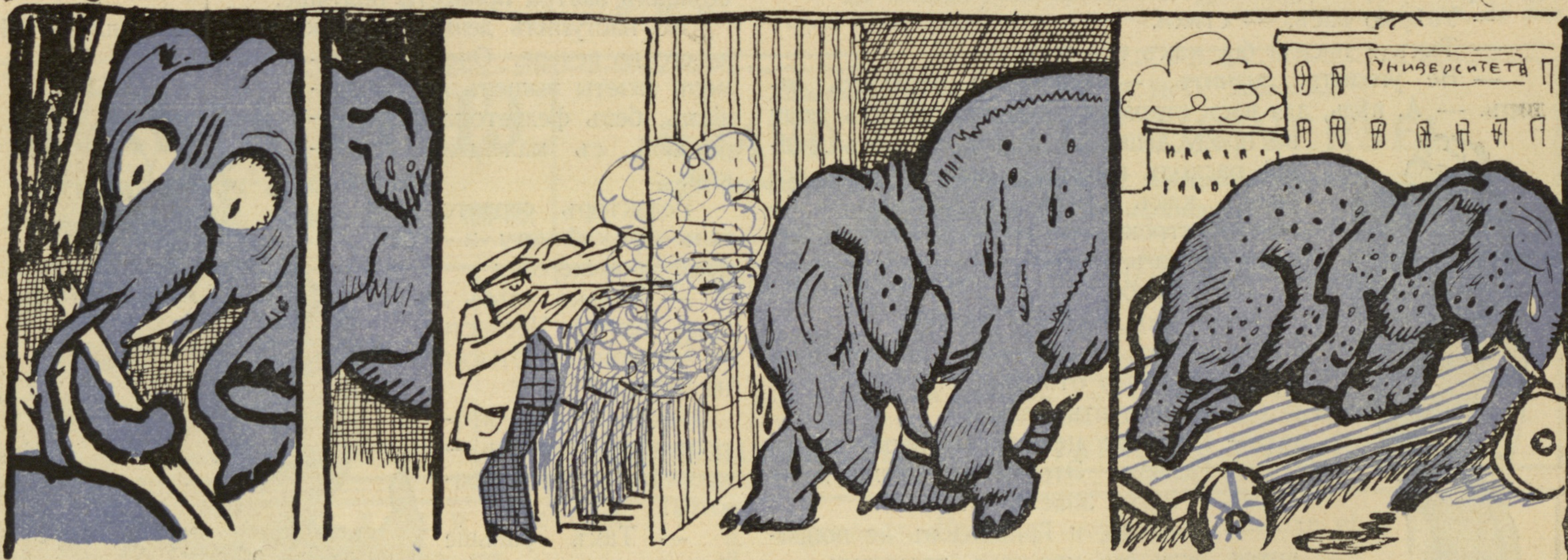
Малютка весель былъ и миль,
Не баловался, не грубилъ.
Жирафа, страусъ, даже левъ
Слона любили. Плотно съвъ
На толстый задикъ, намъ слоненокъ
Игралъ въ песочекъ, какъ ребенокъ.

Такъ годъ прошелъ, а годъ второй
Ужасной кончился бѣдой!
Охотникъ палкой что брызнулъ
Отца и мать; что было силъ
Рыдалъ слоненокъ, — но слезами
Не воскресишь любимыхъ нами...

Слона въ Одессу отвезли.
Весь день оя слышалъ тамъ, — позли
Скотину палкой, что стѣсняться...
Вѣдь цѣпъ не можетъ разорваться!
Отъ наглыхъ, глупыхъ, злобныхъ рожь
Слона бросало часто въ дрожь.

О, Ямбо, Ямбо, бѣдный слонъ!
За то, что имъ же раздражень,
Трусливый, жакитый чловѣкъ
Задумалъ сократить твою вѣкъ...
Суѣтъ тебѣ оя апельсинъ,
Но ты почуялъ въ немъ стрихнинъ.

Конца нѣтъ скучнымъ, нуднымъ днямъ...
Слонъ о слонихахъ по ночамъ
Мечталъ, какъ пламенный поэтъ —
Ахъ, здѣсь не лѣсъ, слонихъ здѣсь нѣтъ!
Но злой тирану, на двухъ ногахъ
Привель слониху, — Ахъ, ахъ, ахъ!..
Воскликнулъ страстно слонъ, но въ
Увелъ слониху проводникъ. [мигъ]

Сихъ издѣвательствъ не стерпѣвъ,
Слонъ обнаружилъ страшный гнѣвъ.
О, Ямбо, Ямбо, замолчи!
Смотри идуть ужъ палачи.
Раздался залпъ, раздался стонъ,
И умеръ Ямбо умный слонъ.

Потомъ и университетъ
Увидѣлъ Ямбо трупъ. Скелетъ
Его пусть будетъ въ вѣкъ укоромъ
Всѣмъ одесситамъ. Пусть позоромъ
Оя заклеимитъ на вѣкъ людей,
Его лишившихъ свѣтлыхъ дней.

ЛѢТНІЙ БУФФЪ

„Ночной экспрессъ“, оперетка въ 4 картинахъ, муз. Лео Фалль, перев. П. Потемкина и Е. Спиро.

Г. Брагинъ (ротмистръ Винклеръ).

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Работа не клеилась. Редакторъ внимательно разсматривалъ прошлогодній табель-календарь и умножалъ въ умѣ 12 на 31, фельетонистъ, закрывъ глаза, рисовалъ на подоконникѣ необыкновенные узоры, два хроникера медленно дописывали на четвертушкахъ отчетъ о клубномъ скандалѣ. На пропускной бумагѣ тихо умирала вытасченная изъ чернилъницы муха.

— Чиновникъ съ стихами, — рявкнулъ конторщикъ.

— Примемъ чиновника, — отвѣтилъ редакторъ.

— Примемъ чиновника, — открывъ глаза, протянулъ фельетонистъ.

Вошелъ краснощекий акцизный, обвелъ присутствующихъ смѣющимся взглядомъ и увѣренно протянулъ синюю тетрадку.

— Стихи съ виньеткой и собственнымъ рисункомъ, — скромно объяснилъ онъ.

— Скорѣе, это — проза, — удивленно сказалъ редакторъ.

— Увѣряю васъ, — стихи.

— Такъ и писали бы, какъ всѣ пишутъ.

— Не угодили, значитъ, — обиженно отвѣтилъ авторъ. — А, вѣдь, для васъ старался. Думалъ, платятъ люди за прозу дешевле, чего же ихъ въ лишній расходъ вводить? Для читателя все равно, какъ стихи напечатаны, — въ полную строку, или не въ полную, а для васъ барышъ.

— Спасибо.

— Ладно. Катайте только.

Редакторъ смахнулъ домиравшую муху и грустно отвѣтилъ:

— Напечатать нельзя.

— Неужели цензура не пропуститъ?

— Нельзя. Это и не стихи и не проза. Чортъ знаетъ что.

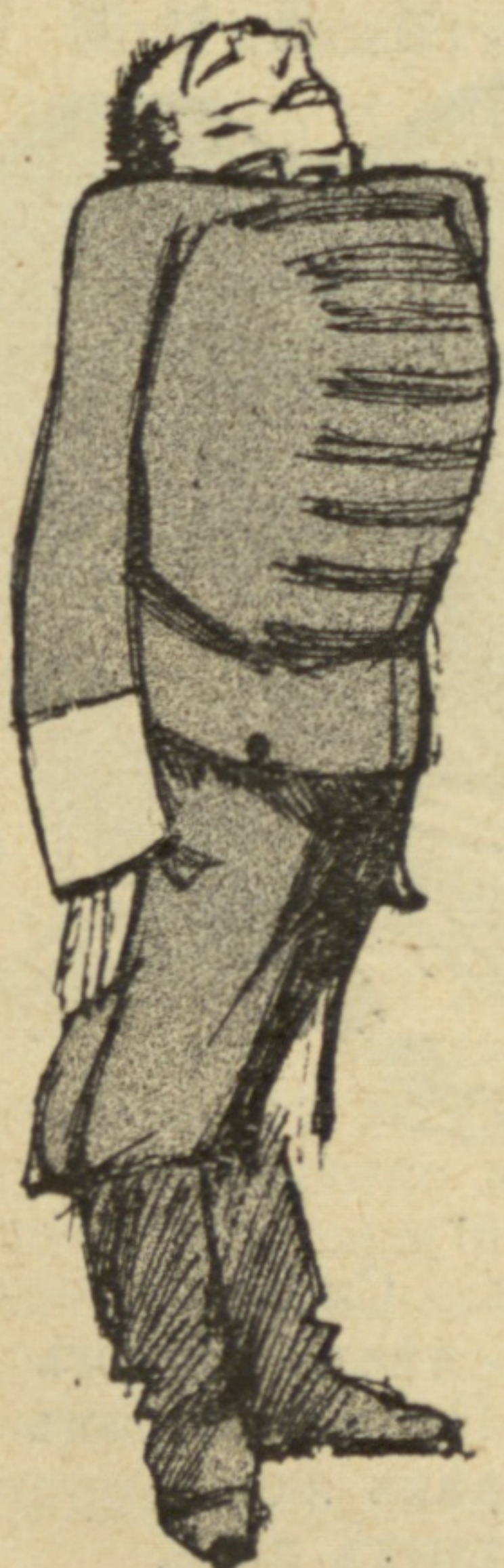
— Конечно, и Грибоѣдовъ не понравится, если его кое-какъ прочитать.

— Не пойдетъ, — рѣшительно отвѣтилъ редакторъ, — категорически не пойдетъ.

— А если я получше принесу?

— Посмотримъ.

— Ладно, я опять прозою, чтобы вамъ дешевле.

Г. Коржевскій (денщикъ Ваничекъ).

Крѣпко пожавъ редактору руку, онъ забралъ свои стихи и ушелъ.

— У него тамъ «елѣми» съ «пахотами» пишется, — сказалъ смѣясь редакторъ.

— Не мѣшайте, — попросилъ фельетонистъ, — у меня тема явилась.

И быстро началъ писать. Хроникеры взяли десь бумаги и снова принялись составлять отчетъ. Редакторъ пріятно улыбнулся и сѣлъ за передовую.

На другой день повторилось то же самое. Редакторъ мысленно читалъ длинныя слова съ конца и никакъ не могъ прочитать «архимандрить». Фельетонистъ быстро перелистывалъ страницы журнала и скороговоркою шепталъ: «верчу, верчу — 20; выверчу — 15; 15,15; 15 и есть». Потомъ считалъ, дѣйствительно ли онъ перевелъ 15 листовъ. Хроникеры вяло спорили о томъ, какія папиросы курить городской голова.

Въ полдень пришелъ акцизный.

— Теперь не стихи, а одинъ восторгъ! — весело объявилъ онъ. — Я уже и мѣстечко въ вашей газетѣ для нихъ облюбовалъ. Ну-ка, прочитайте, только съ чувствомъ!

— «Въ Пондишерѣ-Лоджѣ, среди густѣйшей рожи»... — началъ было редакторъ, но сразу же остановился и сказалъ: — «не пойдетъ!».

— Это вы серьезно? — удивился акцизный.

— А вы думаете, — шучу?

— Тогда, можетъ быть, вчерашнее возьмете? Я ихъ захватилъ.

— Тише, вы тамъ! — крикнулъ фельетонистъ, — не видите, что ли, что я пишу?

— Жаль, жаль... А я уже и визитныя карточки заказалъ... Поэтъ Аведиковъ...

— Вотъ, что, — бѣжливо попросилъ редакторъ, — вы

посидите, а я статейку напишу. Вдохновение явилось, — такъ не хочется терять его.

— Странно... Пока меня не было, — никто не писалъ, — вошелъ я и сразу всѣ за перо. Это невѣжливо, не по-товарищески!

Обиженно улыбнулся и не прощаясь ушелъ. Его ухода никто не замѣтилъ: всѣ писали.

Онъ началъ ходить въ редакцію ежедневно. Сначала его встрѣчали холодно, апатично, потомъ съ жгучимъ нетерпѣніемъ. Только онъ входилъ въ комнату, всѣ точно просыпались, спѣшили къ столу и начинали писать. Минуты на двѣ отрывался отъ работы редакторъ только для того, чтобы пробѣжать глазами новые стихи и коротко бросить: «не пойдетъ». Акцизный тяжело вздыхалъ, пряталъ стихи и обѣщалъ завтра принести получше.

Но наступилъ день, когда акцизный не пришелъ. Ждали его до вечера. Очередной номеръ газеты вышелъ съ опозданиемъ, безъ фельетона, безъ передовой, съ маленькой хроникой.

Редакторъ сердито бѣгалъ по кабинету и упрекалъ хроникеровъ:

— Только хлѣбъ даромъ ѣдите! Несчастливого акцизнаго отыскать не можете!

— Да, — зло вторилъ фельетонистъ, — хроникеры называются!

— Такъ раньше бывало хорошо: придетъ, посидитъ минутку, другую и точно тему съ собой принесетъ. А безъ него хоть лбомъ по стѣнѣ бейся, — нѣтъ тебѣ ни черта!

— Бѣда, прямо.

Г-жа Варламова (полковница Вандельбекъ).

Г. Ростовцевъ (Донненбауль, Гусарскій полковникъ).

— Самъ пойду, весь городъ обыщу, а акцизнаго выкопаю! Не гибнуть же, въ самомъ дѣлѣ, газетѣ!

— Господи, — заплакали хроникеры, — развѣ мы не стараемся? Строкою, вѣдь, живемъ, а какъ пересталъ ходить акцизный, такъ даже о разбойномъ нападеніи больше пяти строкъ написать не удается.

— Не переманила ль его другая газета? — испуганно спросилъ фельетонистъ. — Можетъ быть, даже на жалованье пригласили?

Редакторъ вздрогнулъ.

— Жуткая мысль... А вдругъ...

— Тогда все погибло.

— Чиновникъ! — радостно крикнулъ изъ сосѣдней комнаты конторщикъ.

Всѣ засуетились и бросились къ дверямъ встрѣчать акцизнаго.

— Голубчикъ, — какъ вамъ не стыдно, — дружелюбно упрекалъ редакторъ, — развѣ можно забывать насъ? Грѣхъ, ей Богу, грѣхъ!

— Я поэму писалъ, — сознался акцизный.

— Къ чорту поэму! Пишите малюсенькіе сонеты, несите ихъ сюда ежедневно, непременно ежедневно! Разъ не пойдетъ, два не пойдетъ, а тамъ, глядишь, и пошло.

— Неужели? — дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросилъ акцизный.

— Только каждый день! Поэзія — штука такая, что пропустишь день, — все пропало!

— О, спасибо! Спасибо! Конечно, я напишу, великолѣпно напишу!

Ему не отвѣтили: всѣ писали. Но акцизный не обидѣлся. Онъ спряталъ поэму и, радостно улыбаясь, на ципочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Завтра я принесу сонетъ, — прошепталъ онъ въ дверяхъ.

Скрипѣли перья.

Евграфъ Дольскій.

У БРАТСКОЙ ЧАШИ.

Англичане подбираются къ русской нефти. Ими уже скуплена часть нефтеносныхъ земель...

Изъ передовицы.

Не безъ сердца людская порода,
Есть порывъ въ человѣческомъ тѣлѣ!
Два великихъ и мощныхъ народа
Побрататься въ серьезъ захотѣли:
Протянули довѣрчиво руки —
Мы-де ваши, а вы, дескать, наши,
Обрядились въ парадныя брюки
И сошлись у пріятельской чаши.
И, пожалуй, что вышло бы дѣло,
И сварили бы крѣпкую кашу,
Если бъ кто-то не вылилъ умѣло
«Ложку нефти» въ заздравную чашу.

В. В. В.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Изысканный стиль разсказовъ въ журналѣ „Всемирная Новь“:

Владиміръ Николаевичъ забылъ все на свѣтъ. Подбирая слюны (?), ежеминутно выбѣгавшія изъ его нетвердыхъ губъ, и т. д...

Если бы этого удивительнаго Владиміра Николаевича рассердить — у него разлились бы желчи, а если пырнуть ножомъ въ бокъ — потекли бы крови.

Вообще, авторъ разсуждаетъ такъ: немножко слюны — это слюна, много слюны — это уже слюны.

*

Н. Шебуевъ въ „Синемъ Журналѣ“ продолжаетъ растекаться цѣлымъ моремъ пошлости и неприличія въ стилѣ общественныхъ уборныхъ...

Отрывокъ изъ его „романа“:

Я вотъ, когда тебя увидѣла, сразу подумала: „Онъ хорошенькій, но это не мой вкусъ...“ А вотъ вкусила и оказалось, что ты... мой вкусъ...

А за этой фразой слѣдуетъ вторая, такая — что мы привести ее не можемъ.

Кто хочетъ съ ней ознакомиться — пусть купитъ на Невскомъ книжечку варшавскаго издѣлія, продающуюся грязноватаго вида парнемъ изъ-подъ полы.

Тамъ это все сказано.

*

Вообще, никогда раньше нельзя было себѣ представить такой вакханаліи грязи, пошлости, небрежности и неуваженія къ читателю, какъ въ послѣднее время.

Еженедѣльники, попадающіе въ руки десятковъ тысячъ читателей, ведутся сплошь шоферами не у дѣль или свободными отъ занятій факельщиками похороннаго бюро.

Тотъ же „Синій Журналъ“ помѣщаетъ портретъ балерины Павловой, подписывая подъ нимъ:

— Преображенская.

А чтобы не было обидно Преображенской — подъ ея портретомъ красуется: Павлова.

Большинство журналовъ скупаютъ пудами старыя клише и вставляютъ ихъ въ журналъ безъ толку и смысла.

Мы уже какъ-то говорили о томъ же „Синемъ Журналѣ“, въ которомъ фигурировало клише фотографіи дамы въ шляпкѣ, изъ моднаго журнала — съ такой подписью:

„Семигановская приобрѣла себѣ автомобиль“.

Теперь въ томъ же журналѣ помѣщаютъ иллюстрацію къ словамъ героини, ѣдущей съ любовникомъ на автомобилѣ: „Я подкараулю ее гдѣ-нибудь и всажу пулю въ грудь“.

Какъ вы думаете, какая можетъ быть къ этимъ словамъ иллюстрація?

Очень просто: клише изображаетъ дѣвушку, сидящую на пригоркѣ съ цвѣтами въ рукахъ и задумчиво глядящую вдаль.

Подходяще!

Журналъ „Весь Миръ“, соблазненный лаврами „Синяго Журнала“, помѣщаетъ снимокъ рабочаго, занятаго перекраской периль Эйфелевой башни. Но чтобы положеніе рабочаго было страшнѣе — журналъ прибѣгаетъ къ слѣдующему простому способу: ставитъ все клише бокомъ. И, дѣйствительно, получается жуткая картина: рабочій виситъ надъ бездною на горизонтальной веревкѣ, однимъ концомъ упирающейся ему въ спину.

Не въ такомъ ли положеніи редакторы русскихъ еженедѣльниковъ составляютъ сенсаціонные номера своихъ „журналовъ“?

*

А вотъ стиль журнала „Осколки“, съ головой ушедшаго въ дешевую, російскаго образца порнографію.

Напримѣръ описаніе въ „Осколкахъ“ полной женщины (для любителей!):

Ея полныя руки, прикрытыя рукавами изъ кружевъ крупнаго ажюра, розовѣли, какъ блѣдно-алыя розы; полный бюстъ, да еще

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція А. С. РОДЭ.
У СТРОГАНОВА МОСТА. Телеф. 77-34 и 136-60.

ЕЖЕДНЕВНО

GRAND CONCERT UNIVERSEL

изъ лучшихъ атракціоновъ и красавицъ-этуалей.

Подробности см. въ афишахъ.

ЛѢТНИЙ „БУФФЪ“

Фонтанка, 114. Телефонъ № 416-96.
О П Е Р Е Т Т А.

Дирекція „Палась-Театра“.

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО, СЪ УЧАСТИЕМЪ ВСЕЙ ТРУППЫ,
ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСЕЛАЯ НОВИНКА:

„НОЧНОЙ ЭКСПРЕССЪ“

оперет. въ 3 дѣйств. и 4 карт., муз. ЛЕО ФАЛЯ. Карт. 1-я — Поцѣлуй въ куиз. Карт. 2-я — Веселый арестъ.

Карт. 3-я — Полковой праздникъ. Карт. 4-я — Она любитъ.

Начало въ 8½ час. веч. Касса откр. съ 12 ч. дня. Входъ въ садъ 50 к. Кабарэ-танго открытъ.

ПЕРВОКЛАССНЫЙ РЕСТОРАНЪ-VARIÉ ДО 3 ЧАС. НОЧИ.

RESTAURANT FRANÇAIS

ALBERT

Nevsky 18, Pont de Police. Téléph. 12-35 et 185-61

Déjeuners, dîners et soupers à prix-fixe et à la carte.

Cuisine française et italienne.

Vins des premiers crus et spécialité de vins italiens.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ

„ВѢНА“

ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Торг. до 3-хъ ч. ночи.

БИТВА СЪ АИСТАМИ.

Символическій рисунокъ Ре-ми.

смачно подтянутый корсетомъ, выдавался соблазнительнѣе, чѣмъ у гуріи; атласное „панье“, расхлѣдившееся спереди, тоже точно умышленно давало какіе-то намеки; обтянутый полный задъ, казался, быть обтянутъ еще больше, чѣмъ требовала мода; юбка была короткая: но мало того, юбка, согласно модѣ, въ самомъ низу распахивалась, не застегнувшись на цѣльхъ три пуговицы; поэтому расплывалась, не давая ни единой складки; шелковыя чулки, можно было видѣть до половины икръ; наконецъ, и этого было мало; картину „провокаціи“ дополняла тонкая матерія юбки: если дамочка становилась противъ солнца, или вообще свѣтлаго мѣста, то стоявшій за нею человекъ видѣлъ, какъ просвѣчивались ея ноги поочередно въ вѣсь.

А вотъ какъ описываютъ „Осколки“, — тѣ самые „Осколки“, въ которыхъ когда-то сотрудились А. П. Чеховъ! — худыхъ женщинъ:

Розановъ внимательно осматривалъ ее: длинныя, худыя ноги казались тонкими колонками готическаго портика; плоскія бедра только слегка выступали надъ верхними частями ногъ; провалившійся животъ уходилъ подъ закругленія нижнихъ реберъ, которыя выступали впередъ, выдвигаясь почти каждое своею линіей; пересчитать ихъ не было никакого труда. Только ребра же составляли и ея бюстъ, потому что вмѣсто груди безжизненно стояли какія-то два подобія тонкихъ бутербродовъ съ сыромъ на бѣломъ хлѣбѣ.

Плечи замѣнялись неправильной формы шарами, отъ которыхъ шли двѣ руки — тонкія, сухія, какъ длинныя, выдержанныя московскія колбасы.

— Прошу васъ, повернитесь задомъ.

Людмила повернулась. Тутъ зрѣлище было еще безотраднѣе: становой хребетъ выступалъ въ родѣ гирлянды изъ ореховъ, а за тѣмъ опять ребра и... больше ничего.

Обо всей этой дряни, конечно, можно бы и не писать, но имѣемъ ли мы право молчать, если тысячи читателей черпаютъ изъ этихъ журналовъ свою духовную пищу?

Гдѣ совѣсть? Гдѣ та элементарная обывательская совѣсть, которой мы вправѣ требовать отъ редакторовъ этихъ изданій? Есть же

у нихъ жены, дочери, знакомые? Неужели не стыдно встрѣчаться съ ними глазами? Неужели?..

*

„Вечернее Время“, сообщая о томъ, что поручикъ Павловъ упалъ съ аэропланомъ и сломалъ себѣ ногу, озаглавливаетъ это сообщеніе очень просто:

„Успѣхи русскаго воздухоплаванія“.

Иронія? Тогда это безтактно.

Простодушіе? Тогда — нечему тутъ радоваться?

Во всякомъ случаѣ, редактору „Веч. Времени“ такихъ успѣховъ не пожелаемъ.

*

Прогрессъ провинціи (объявл. въ „Воронежск. Телеграфъ“):

Размышленія у параднаго подъязда (Мѣщанская, д. № 14).
ДАЧА... ДАЧА... Вотъ заДАЧА. Съ этой ДАЧЕЙ у меня все незаДАЧА. Правда, снималъ я ДАЧУ всегда почти наУДАЧУ, оттого и терпѣлъ я неУДАЧУ. Сниму-ка я у Кузнецова ДАЧУ; тутъ ужъ, безъ сомнѣнья, будетъ мнѣ уДАЧА; она вѣдь тамъ, гдѣ институтъ, рядомъ съ дачей Клемешова, хозяинъ, знаю я, не плутъ, значитъ, не ворвусь я снова. Звонокъ...

Впрочемъ, въ Чикаго составляютъ объявленія еще лучше:

„Подлецъ и негодяй будетъ тотъ, кто не купитъ ароматическихъ пилюль отъ кашля Гай-Стокинса!“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“
ВЫПУСТИЛО ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Аркадій Аверченко. „О хорошихъ въ сущности людяхъ“. Книга рассказовъ.

Аркадій Аверченко. „Бенгальскіе огни“. Четвертый томъ пьесъ.

Готовится къ печати
слѣдующій СПЕЦІАЛЬНЫЙ номеръ „Новаго Сатирикона“
КУПАЛЬНЫЙ.

Редакция

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія изданія „НОВАГО САТИРИКОНА“:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„О ХОРОШИХЪ ВЪ СУЩНОСТИ ЛЮДЯХЪ“.

Сборникъ новыхъ юмористическихъ рассказовъ.

Цѣна въ обложкѣ работы худ. РЕ-МИ 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

Книга новыхъ рассказовъ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

Обложка работы художника РЕ-МИ. Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е—5-е). Цѣна каждого выпуска 10 коп.

А. МЮРЖЕ.

„БОГЕМА“.

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Обложка работы художницы Миссъ. Цѣна 1 р. 25 к.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Театральная библиотека. 3 тома. Въ изящной обл. художника ЧЕХОНИНА. Цѣна каждого тома 2 руб.

поступилъ въ продажу

КОМПЛЕКТЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Съ 1-го іюня по 31-е декабря 1913 года.

Въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіемъ золотомъ.

Цѣна 3 руб., съ пересылкой 4 руб.

Продается въ конторѣ журнала „Новый Сатириконъ“. Слб., Невскій, 98.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

„БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ“ ПЬЕСЫ И ВОДЕВИЛИ

Томъ IV. Обложка работы С. Чехонина. Цѣна 2 рубля.

Содержаніе: Трудный случай. НА ВОЛГѢ. Четверги. ОДЕССИТЫ. Суета суеть. Вчера и сегодня. Сердце матери. Павликъ. Коготокъ увязъ — всей птичкѣ пропасть. Товарищъ.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Обложка художника Ре-ми. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Большой томъ въ трехъ частяхъ, съ портретомъ автора и предисловіемъ, любезно написаннымъ Аркадіемъ Аверченко.

Цѣна книги въ обложкѣ работы Ре-ми — 1 руб. 25 коп.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ.

„ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“

ПАРАДОКСЫ и СИЛУЭТЫ

Ц. 1 р. 10 к. Складъ изданія: „Нов. Сатириконъ“, Невскій, 98.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

ЛИРИКА. Изданіе Аркадія Аверченко.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Часть I. О любви и печали. Часть II. Легенда Будней. Часть III. Раздумье.

Обложка художника Чехонина. Цѣна 1 р. 25 к.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу Дешевая библиотека

„НОВАГО САТИРИКОНА“.

№ 13. ТЕФФИ. № 14. Г. ЛАНДАУ. № 15. А. АВЕРЧЕНКО.

Цѣна каждой книжки 10 коп.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почте, даже при условии присылки марокъ.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петербургъ.

Бьломору (4 р. т.). — „Посылая вамъ свои стихи, долженъ сказать, что рѣшаюсь на это, потому что разсуждаю: не боги горшки обжигаютъ“...

Совершенно вѣрно. Мы тоже разсуждаемъ такъ: когда займемъ фабрикаціей горшковъ — вы будете первый человекъ, котораго мы пригласимъ.

Б. Провинція.

Новозыбковъ, Михаилу Э—хъ.

Соня меня бросила,
Говоритъ — какой ты мужъ?
Убѣжала съ осени
И я одинъ теперь ужъ.

И такого поэта, такое сокровище Соня бросила! Вотъ ужъ, дѣйствительно, женщины не знаютъ, чего хотятъ.

При общей и половой нервной разслабленности принимайте только

СТИМУЛОЛЬ Д-ра ГЛЭЗА

Лучшіе профессора Европы съ блестящимъ успѣхомъ прописываютъ больнымъ, страдающимъ **ПОЛОВОЙ НЕВРАСТЕНІЕЙ** (БЕЗСИЛЕМЪ)

извѣстный французскій препаратъ **СТИМУЛОЛЬ**

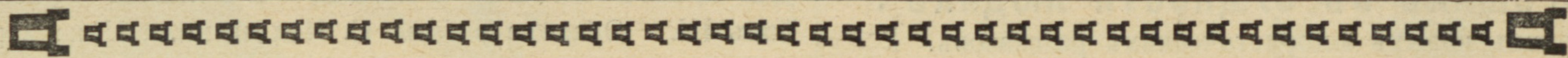
Д-ра ГЛЭЗА

такъ какъ это единственное и исключительное средство, быстро возстановляющее половую энергію и укрѣпляющее всю нервную систему.

Дѣйствіе Стимулола тщательно провѣрено въ лучшихъ Европейскихъ санаторіяхъ и вызвало восторженные отзывы медицинскихъ авторитетовъ.

Важное предостереженіе: имѣются въ продажѣ негодныя поддѣлки. Требуйте поэтому во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ настоящій Парижскій Стимулоль Д-ра Глэза въ алюминіевой упаковкѣ съ таможенной пломбой. Всѣ опыты и наблюденія, произведенныя надъ этимъ препаратомъ, и лучшіе отзывы врачей относятся только къ настоящему Стимулолу Д-ра Глэза.

Главное представительство для Россіи: Институтъ Д-ра Кальвэ, Москва, Срѣтенка, 4, отд. 76-62

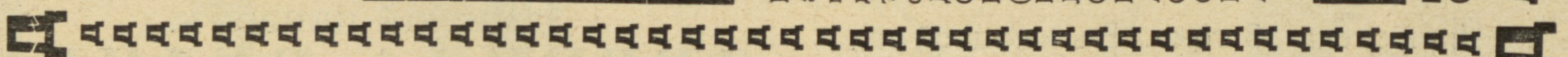
ПОЛУГODOVAYА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

2-ой годъ 2 ПРИЛОЖЕНІЯ.
1) "ОТКЛИКИ" (съ иллюстраціями). Статьи по вопросамъ литературы искусства и науки.
2) ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ газетѣ „ДЕНЬ“ принимаютъ участіе: Влад. Азовъ, В. К. Агафоновъ, Аркадій Аверченко, А. В. Амфитеатровъ, С. А. Ауслендеръ, К. Д. Бальмонтъ, І. М. Бекерманъ, А. А. Блокъ, Вал. Брюсовъ, Проф. И. А. Болдуенъ-Куртенэ, Ф. А. Браунъ, В. В. Водозовъ, Л. И. Войтовскій, Станиславъ Вольскій (Лондонъ), Вл. Денисовъ, С. Дмитриевъ, Б. И. Лембо, А. С. Залупинъ, Д. Заславскій, (Hemipus), Проф. Ф. Ф. Зелинскій, Ст. Ивановичъ, В. Князевъ, О. Я. Кобецкій, Проф. С. А. Корфъ, В. П. Коломійцевъ, Антонъ Крайній, А. Кугель (Номо Nowus), В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Р. Кугель, Проф. И. И. Лапшинъ, Эмануилъ Ласкеръ, Проф. Н. О. Лосскій, А. Я. Левинсонъ, А. В. Луначарскій, Евг. Лядскій, С. Д. Мережковскій, П. Надеждинъ, О. Л. Д'Орбъ, К. Пажитковъ, С. Т. Паграшкинъ П. П. Потемкинъ, А. Пругавинъ, А. М. Ремизовъ, И. М. Розенфельдъ, С. Розовскій, Петръ Рысь, С. Сватиковъ, Проф. В. В. Сиповскій, В. Станкевичъ, Пр-Доц. К. Ф. Тиандеръ, Проф. В. Ф. Шишмаревъ, Пр-Доц. П. Ю. Шмидтъ, А. Шмулеръ, П. Е. Щеголевъ, П. Юшкевичъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
1 годъ 10 р. — к.
1/2 года 5 р. 30 к.
3 мѣсяца 2 р. 80 к.
1 мѣсяць 1 рубль.
Подписка принимается какъ въ Главной Конторѣ (СПб., Невскій пр. № 69), такъ и въ нининыхъ магазинахъ и почтовыхъ учрежденіяхъ.

ГОНОРРЕЯ (ТРИППЕРЪ).

Гоноррею, перелой и бѣли въ острой и хронической формѣ быстро выдѣчи ваеть соверш. безвредн. и клинически испыт. средство (для внутр. употребл.

„ТІЭЛЕРИНЪ“

ДОКТОРА МЕД. ЖЕНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ГОРОХОВСКОЙ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ-СПЕЦИАЛИСТАМИ.

Цѣна ординарн. флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойн. 3 р. безъ пересылки. Подробное наставленіе при флаконѣ. Высылается наложн. платежомъ.

ВЪ СЛУЧАѢ НЕИЗЛѢЧЕНІЯ — ВОЗВРАЩАЮ ДЕНЬГИ ОБРАТНО.

Адр.: д-ру Э. М. Гороховской, Москва, Срѣтенка, Даевъ пер., д. 1-28, кв. 3. Отд. 101. Отпускъ лѣкарствъ отъ 9 ч. у. до 7 ч. в. Личн. приемъ отъ 4 до 7 ч. в.

Только что вышла и поступила въ продажу вторымъ, вновь просмотрѣннымъ, дополненнымъ, изданіемъ интересная книга соч. д-ра РИШАРА:

МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА въ ПОЛОВОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Сочиненіе это знакомитъ каждого съ устройствомъ самыхъ сокровенныхъ частей его организма. Общедоступное изложеніе и рисунки въ текстѣ способств. наиболѣе легкому усвоенію этой книги.

Цѣна 1 руб., съ перес. — 1 руб. 20 коп., наложен. платеж. 1 руб. 30 коп. Складъ у издателя Н. Э. РОЗАНОВА: С.-Петербургъ, Б. Московская, 9.

Одесса — Тербуцаеву. Милая неприятельная картинка:

Я иду въ кувальню, снимаю подтяжки,
А тамъ невдалекѣ купаются канашки.
И море какъ будто подернулось серебромъ
И камни, обмываемые (?) волной грустятъ о быломъ.

ВЪ ЛѢТНІЕ ЖАРКІЕ ДНИ,

когда изобиліе плодовъ и ягодъ, высокая температура и вообще вся нѣсколько безпорядочная лѣтняя жизнь легко располагаютъ къ желудочнымъ заболѣваніямъ, лучшимъ предохранительнымъ средствомъ для взрослыхъ и дѣтей является маленькая рюмка французскаго вина „Сенъ-Рафаэль“. Оно поддерживаетъ нормальное состояніе желудка, укрѣпляетъ организмъ, освѣжаетъ и возстанавливаетъ силы. Превосходно на вкусъ.

Фабрика сельтерской воды у себя на дому.

Съ помощью сифоновъ и капсуль „ПРАНА“ - СПАРКЛЕТЪ.

Вы можете приготовить у себя на дому свѣжую и чистую сельтерскую воду по цѣнѣ доступной всѣмъ, имѣя только одинъ сифонъ и нѣсколько маленькихъ капсуль углекислоты.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЪ.
За справками, проспектами и т. д. образц.:
Aerators Limited, Upper Edmonton LONDON.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧАЯ

Всегда неизмѣнно высокое качество чаевъ фирмы И. Е. Дубинина создало для фирмы завидную извѣстность по всей Россіи. Во всѣхъ даже глухихъ уголкахъ великой Россіи пьютъ и наслаждаются нашими знаменитыми чаями: чай Янхао № 14—2 руб., чай Царская Роза № 5—2 руб., чай Моюне № 18—2 р. 40 к. и чай Небывалая Рѣдкость № 8—2 р. 80 к. Если кто не пробовалъ эти необыкновенно высокіе чаи, то пусть требуетъ ихъ у мѣстныхъ торговцевъ или выписываетъ изъ Москвы изъ нашихъ складовъ. На пробу высылается 1 фун. по 1/4 фунту каждого сорта за 2 руб., четыре фунта по 1/4 фунту каждого сорта за 7 руб. 55 коп. Пересылка во всю Европейскую Россію за нашъ счетъ.

СКЛАДЫ И. Е. ДУБИНИНА. МОСКВА, Покровка, 5.
Подробный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

Фирма УДОСТОВЕРЕНА
ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ
по 4 р. 2 р. 2р50к. 2р50к. 9 р. по 5 р. 50к.
ТОРГОВО-ФАБРИЧ. Т-ВО СПБургь. **И. ВИНУКUROVЪ и Н. СИННИЦКІЙ** Садовая 29.
Гостинный Дворъ (у глав. вор.) НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ №15^а
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.
ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

НИК. АШЕШОВЪ.

„РАНЫ ЛЮБИ.“

Книга рассказовъ. Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

Обложка работы Миссъ. Цѣна Руб. 1.25.

Издательство „Прометей“.

О, волны! какіе только корабли васъ не бороздятъ,
... вонъ уже и дѣвушки изъ воды выходятъ.
Есть случаи, когда не поэту ударять по лиры, а поэта ударяютъ лирой по головѣ: не пиши, дескать, такой-сякой!
Ст. Одинцово, М. К. — Къ сожалѣнію не подошло.
Сызрань. — Иль Родному. — Безъ всякаго сожалѣнія — не подошло.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ИЗМУЧЕННЫЕ ГОНОРРЕЕЙ — ВЫСЛУШАЙТЕ МЕНЯ.

Я страдалъ годы жестокимъ хроническимъ трипперомъ. Истеченіе гноя истощало всѣ мои силы, боли, бессонница, мучительные сны и ихъ послѣдствія. Я много лѣчился. Меня терзали спринцеваніями, томили бужами, щедро откармливали внутренними лѣкарствами. Помоги не было.

Спасли добрые товарищи, которые въ короткое время окончательно излѣчились чуднымъ препаратомъ, капсулы Кубеноль С.-Петербургскаго МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА (Артиллерійская 2—отд. 088, уплативъ по 2 руб. 25 коп. за двойную коробку. Я принялъ пять коробокъ Кубеноля, — и въ настоящее время совершенно здоровъ. Лѣкарства не поддѣльные должны быть съ фабричной маркой товарищества, въ алюминіевыхъ коробкахъ и лучше прямо оттуда выписывать. А потому считаю своимъ нравственнымъ долгомъ высказать на страницахъ газетъ мою глубокую благодарность МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ за это изобрѣтеніе имъ чуднаго средства Кубеноль, а страдающимъ этой ужасной болѣзью, поторопитесь лѣченіемъ, а не тратьте ни своихъ матеріальныхъ средствъ на поддѣлку негодныхъ фабрикатовъ, а главное не теряйте время и здоровья и воспользуйтесь капсулами Кубеноль МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА, и Вы будете излѣчены. Всю жизнь благодаренъ МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ.

г. Баку. Потомст. Гражд. Н. К-овъ.

Во избѣжаніе вредныхъ поддѣлокъ для здоровья, требуетъ Кубеноль МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА съ фабричной маркой, утвержденной Правительствомъ, прилагаемаго образца.

Гигиен. Резин. издѣлія (предохранители)
для спец. надобн. гигиен. приборы изъ зол. и серебра для дамъ и мн. др. интер. новин. Треб. илл. пр-кур. безпл. или въ закр. ковш. за 21 к. марк. Америк. складъ
Джонъ Роджерсъ.
Спб., Невскій, 60—21.

Излѣченіе послѣ долголѣтнихъ страданій.

Страдали вы когда-нибудь запорами, вздутіемъ живота, газами, кислотностью желудка и побочными явленіями этихъ болѣзней, какъ головныя боли, сердцебіеніе, боли печени и почекъ?

Если да, то Вамъ будетъ интересно узнать нижеслѣдующее письмо:

„Съ радостью могу вамъ сообщить, что таблетки Стомоксигена Д-ра Мейеръ излѣчили меня отъ ужасное разстройство пищеваренія, которое мучило меня много лѣтъ подъ рядъ. Такъ какъ я испыталъ уже множество средствъ безъ малѣйшаго успѣха, я считалъ свое положеніе безнадежнымъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ Стомоксигена Д-ра Мейеръ, мой желудокъ теперь правильно, какъ часы. И я знаю многихъ у насъ въ Кіевѣ, которые по моему совѣту тоже принимали Стомоксигенъ Д-ра Мейеръ и достигли такихъ же прекрасныхъ результатовъ.“

Благодаря своему своеобразному составу, Стомоксигенъ Д-ра Мейеръ развиваетъ въ полости желудка и кишечника активный кислородъ-озонъ, который, какъ извѣстно, не только лѣчитъ, но и оздоравливаетъ тѣ ткани, съ которыми онъ соприкасается. Поэтому если Вы страдаете какой-нибудь болѣзью желудка или всего пищеварительнаго аппарата, не упускайте изъ виду Стомоксигена Д-ра Мейеръ, который дастъ Вамъ немедленное облегченіе. Его можно получить въ каждой аптекѣ.

Остерегайтесь поддѣлокъ. Если на коробкѣ или на правилахъ пользованія не написано полностью имя Докторъ Антонъ Мейеръ, если адресъ Екатеринбург. кан., 29 не указанъ, то предъ Вами, несмотря на всѣ другія надписи и подписи, явная поддѣлка.

ФОТО гр. снимки нар. жанра для мужчинъ любителей нов. каталога на 1914 г. съ подроб. опис. серіи, а также иконт. литерат. и резин. изд. высл. въ закр. письмѣ по полученіи 7 коп. маркы за нр.—Адр. Варшава, Литовская 11. „Венера-Венус“.

КУЛЬТУРНАЯ НОВОСТЬ.

Въ каждой семьѣ необходимо проверять качество потребляемаго молока. Эта проверка легко достигается при помощи „Лактометра“. Приборъ обнаруживаетъ моментально простое распрощаніе при примѣненіи обезжириваетъ ему широкое распространеніе. Потребляя хорошее молоко, Вы избавите себя и дѣтей отъ желудочныхъ заболѣваній. Цѣна 95 к. съ перес. 1 р. 45 к.
СПБ., Невскій 170, кв. 12-6.

Вниманію подписчиковъ!

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала, покорнѣйше просимъ лицъ, уплатившихъ за полгода, озаботиться высылкой слѣдующаго взноса до 1-го Іюля с. г.
2-я премія будетъ разослана лишь лицамъ, внесшимъ полностью годовую плату.

1) Страшный разбойникъ Перерѣзанная Глотка, пользуясь отсутствіемъ всякаго освѣщенія въ городѣ Хрюкосвинскѣ, рѣзалъ жителей десятками.

2) И вотъ обыватели завели фонари, благодаря чему могли въ безопасности гулять по Хрюкосвинску вечеромъ и ночью.

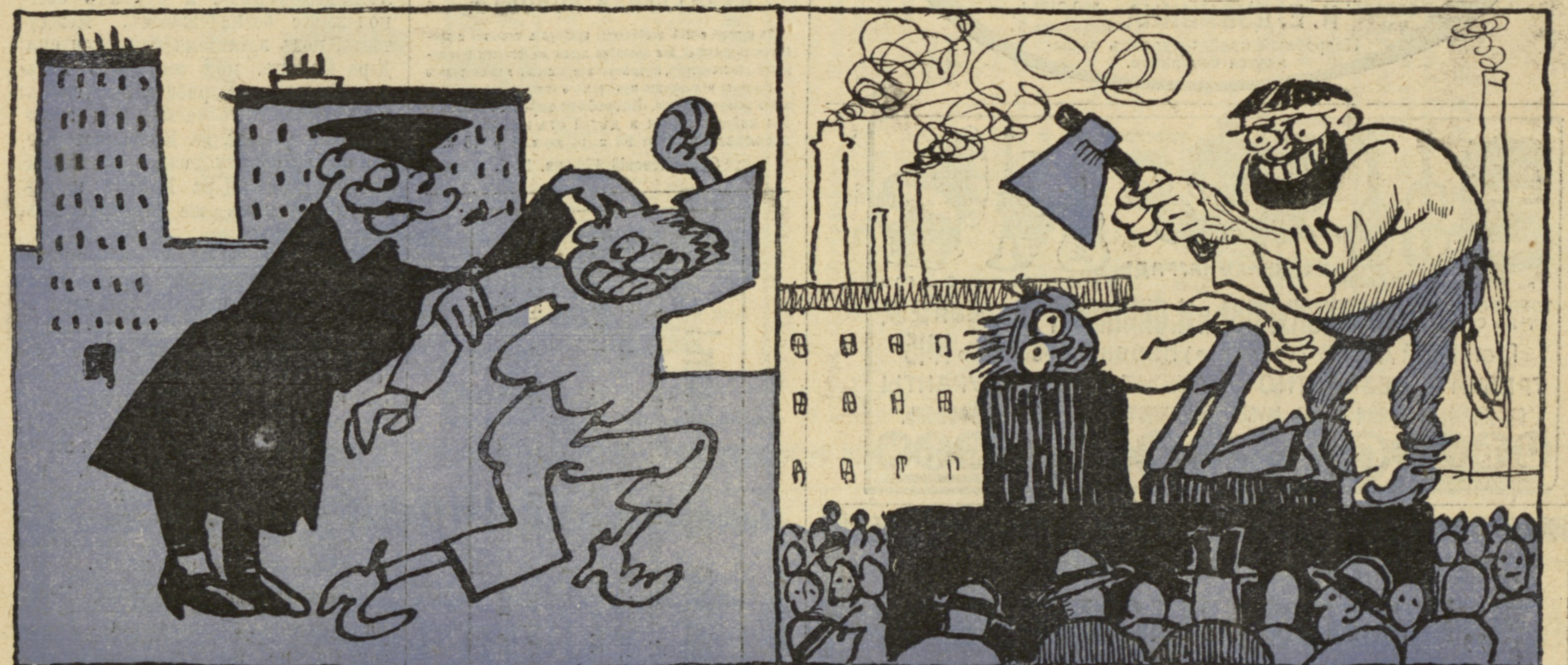

3) Тогда кровавадный разбойникъ сталъ жечь домишки хрюкосвинцевъ. Мостовыя въ городѣ были ужаснѣ пожарныхъ, а пожарные — ужаснѣ лошадей.

Половина Хрюкосвинска сгорѣла три раза. — Глотку не могли поймать. А онъ продолжалъ свирѣпствовать.

4) Въ результатѣ пришлось построить каменные дома, завести хорошій пожарный обозъ, посадить деревья: деревья не дакътъ огню распространиться.

И ужъ поѣхалъ по городу щеголевагый экипажъ агента по страхованію отъ огня.

5) Тогда страшный злодѣй сталъ бросать бомбы — результатомъ чего было появленіе цѣлаго штата сторожей, которые, къ великой радости обывателей, создали миръ, тишину и спокойствіе въ Хрюкосвинскѣ.

6) Его казнили. Радость жителей не имѣла границъ. Весь городъ присутствовалъ при казни. Когда палачъ поднялъ топоръ, стояшіе поблизости услышали:

— Неблагодарные...

Но никто не понялъ этихъ словъ.